Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 2. С. 282–287
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(2):282–287
Проблемы социологии
Научная статья
УДК 316.347(470.62)
doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-2-282-287

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ДАГЕСТАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ДИНАМИКА И СОДЕРЖАНИЕ

Мадина Магомедкамиловна Шахбанова

Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, Махачкала, Россия, madina2405@mail.ru

Аннотация. Последние десятилетия прошлого столетия ознаменовались деструктивными явлениями в межнациональной сфере, поэтому естественным является исследование происходящих в данной области преобразований. Особое место в национальной сфере занимает этническая идентичность, формы ее существования (позитивная/негативная), ибо они непосредственно влияют на характер личностной коммуникации, формируют межнациональный климат, обеспечивают стабильность. Анализ индикаторов воспроизводства этнической идентичности молодого поколения дагестанцев показывает приоритет признаков национальный язык, этнокультура и религия. Установлено, что родной язык малозначим для опрошенного русского населения при его важности для остальных опрошенных этнических образований. Авторская гипотеза о значимости исторического компонента и исторической памяти для воспроизводства как этнической, так и российской идентичностей результатами исследования не подтвердилась, в сравнении с другими маркерами, менее востребованы в массовом сознании дагестанской молодежи. «Контрольный вопрос» показывает изменение значимости интеграторов – «быть представителем своего народа» заключается в знании и следовании национальным традициям и обычаям своего народа при существенно меньшей доле обозначивших индикатор «национальный язык». Такая позиция в установках опрошенной дагестанской молодежи обусловлена трансформацией их языкового сознания и языкового поведения, что однозначно свидетельствует о деструктивных тенденциях в этноязыковой сфере.

Ключевые слова: идентичность, дагестанская молодежь, межнациональное общение, межэтническое взаимодействие, самоидентификация, этническая идентичность, этничность, многонациональность, межнациональный климат, национальный язык, национальные интересы

Для цитирования: Шахбанова М. М. Этническая идентичность дагестанской молодежи: динамика и содержание // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 2. С. 282–287. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-282-287

Sociology Problems
Original article

ETHNIC IDENTITY OF DAGESTAN YOUTH: DYNAMICS AND CONTENT

Madina M. Shakhbanova

Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia, madina2405@mail.ru

Abstract. The last decades of the last century were marked by destructive phenomena in the interethnic sphere, so it is natural to study the transformations taking place in this area. A special place in the national sphere is occupied by ethnic identity, the forms of its existence (positive/negative), because they directly affect the nature of personal communication, form an interethnic climate, and provide stability. The analysis of indicators of reproduction of the ethnic identity of the young generation of Dagestanis shows the priority of the signs of the national language, ethno-culture and religion. It was found that the native language is of little importance for the surveyed Russian population, despite its importance

© Шахбанова М. М., 2023

for the rest of the surveyed ethnic formations. The author's hypothesis about the significance of the historical component and historical memory for the reproduction of both ethnic and Russian identities was not confirmed by the results of the study, in comparison with other markers, less in demand in the mass consciousness of Dagestan youth. The "control question" shows a change in the importance of integrators – "being a representative of your people" consists in knowing and following the national traditions and customs of your people with a significantly smaller proportion of those who designated the indicator "national language". Such a position in the attitudes of the interviewed Dagestani youth is due to the transformation of their linguistic consciousness and linguistic behavior, which clearly indicates destructive tendencies in the ethno-linguistic sphere.

***Keywords**:* identity, Dagestan youth, interethnic communication, interethnic interaction, self-identification, ethnic identity, ethnicity, multinational, interethnic climate, national language, national interests

For citation: Shakhbanova M. M. Ethnic identity of Dagestan youth: dynamics and content. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2023;(2):282–287. (In Russ.). https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-282-287

Введение

Трансформация социально-экономической, политической и духовной сфер российского общества актуализировала изучение места и функций социальной идентичности, которая является, во-первых, своеобразным стимулирующим фактором в процессах воспроизводства социальных групп и поддержания их целостности, во-вторых, причиной формирования новых социальных общностей. Иными словами, активизация самой социальной идентичности и разных ее типов обусловлена социально-экономическими, политическими преобразованиями российского общества, которые привели к коренным изменениям не только внешних, но и внутренних признаков индивида.

Анализ существующих в современной отечественной и западной науке подходов и понимания содержания этнической идентичности показывает сложность ее структуры и типов. Поэтому изучение этничности и этнической идентичности, типов социальной идентичности, специфики их выражения были в поле зрения российских исследователей, в частности, Э. Александренкова [1], Л. М. Дробижевой [2], Э. Т. Майбороды [3], С. В. Рыжовой [4], В. А. Тишкова [5], а также нашли отражение в коллективных монографиях [6, 7] и др.

Прежде чем перейти к анализу этнической идентичности дагестанской молодежи и индикаторов ее воспроизводства следует отметить, что «процесс демонтажа системы социализации советского общества постепенно привел к нивелированию советской идентичности… Основной удар пришелся на молодое поколение россиян… оказались в ситуации "идентификационного вакуума", когда советская идентичность их родителей и учителей была уже не актуальна, а новая российская идентичность еще не была разработана и предложена» [8, с. 137].

Что такое этническая идентичность? Г. У. Солдатова определяет этническую идентичность «как разделяемые в той или иной мере членами данной этнической группы общие представления, которые формируются в процессе взаимодействия с другими народами. Значительная часть этих представлений является результатом осознания общей истории, культуры, традиций, места происхождения (территории) и государственности. Общее знание связывает членов группы и служит основой ее отличия от других этнических групп» [9, с. 296]. Исследователи выделяют 7 типов этнической идентичности: 1. нормальная; 2. этноцентричная; 3. этнодоминирующая; 4. этнический фаворитизм; 5. этническая индифферентность; 6. этнонигилизм; 7. амбивалентная [10, с. 130].

Методы исследования

Социологический опрос по изучению этнической идентичности дагестанской молодежи проведен в 2022 г. в гг. Махачкала, Дербент, Хасавюрт, Ботлихском, Дербентском, Казбековском, Кизлярском, Левашинском, районах Республики Дагестан. N=543. Распределение по национальной принадлежности: аварцы (24,9 %), даргинцы (18,6 %), кумыки (12,3 %), лакцы (10,5 %), лезгины (19,2 %), русские (5,7 %), чеченцы (4,7 %), другие (4,1 %); по образованию: среднее (29,8 %), среднее специальное (37,8 %), высшее (32,4 %); по возрасту: 0–20 лет (36,4 %), 21–25 лет (22,7 %), 26–30 лет (20,8 %), 31–35 лет (20,1 %); по полу: мужчины (48,8 %), женщины (51,2 %).

Результаты исследования

Как же обстоит дело с этнической идентичностью дагестанской молодежи, какие индикаторы ее воспроизводства востребованы в их общественном сознании? С целью получения информации респондентам был задан вопрос «Какие признаки объединяют Вас с представителями Вашего народа?», позволяющий установить национальные интеграторы.

Анализ эмпирического материала показывает превалирование с большим перевесом индикатора национальный язык, который отмечен подавляющей частью респондентов (65,7 %). По сравнению с другими этническими подгруппами, для опрошенных русских важность данного параметра существенно ниже (18,2 %) и он уступает место национальным традициям (54,5 %).

Второе ранговое место по всему массиву занимает идентификатор «национальные традиции и обычаи» (53,6 %) и подчеркивающих его в этническом разрезе, в сравнении, больше среди лезгин (65,6 %), лакцев (56,3 %), русских (54,5 %) и даргинцев (51,4 %), в возрастных интервалах 0–20 лет (54,4 %) и 31–35 лет (73,4 %), а также имеющих высшее образование (62,3 %).

Тройку ключевых маркеров воспроизводства этнической идентичности замыкает религия (41,2 %), приоритетность вероучения как этноопределителя обозначена аварцами (54,5 %) и чеченцами (57,6 %), возрастными подгруппами до 31 года (одна треть) и 40,6 % респондентов со средним образованием.

Обозначение религиозного компонента как одного из важнейших интеграторов воспроизводства этнической идентичности свидетельствует, во-первых, о значимости данного элемента в идентификационном процессе, во-вторых, о наличии в общественном сознании дагестанской молодежи установки отождествления вероисповедания и этничности.

Следует отметить, что в массовом сознании не только молодого поколения, но и всего дагестанского населения важное место занимает этноконфессиональная идентичность, то есть рассмотрение религиозной и национальной принадлежности как составных частей идентификационного процесса. По мнению автора, усилению позиций религии способствовала и способствует активная религиозная деятельность не только в нашей республике, но и в российском обществе, в целом.

Следующим этнообъединяющим параметром для 26,6 % опрошенной дагестанской молодежи является совместная жизнь на определенной территории и здесь можно выделить чеченцев (39,4 %), возрастную когорту 21–25 лет (32,7 %) и имеющих высшее образование (32,2 %). Далее 23,9 % респондентов подчеркивают важность исторического компонента в идентификационном процессе и указывающих на него больше среди представителей русского (45,6 %) и чеченского (45,5 %), лезгинского (33,3 %) и лакского (34,4 %) народов. С возрастом и образованием респондентов увеличивается массив разделяющих данную позицию – с 21,0 % в разрезе 20 лет включительно до 31,3 % в когорте 31–35 лет, с 19,2 % со средним специальным образованием до 33,6 % с высшим образованием.

Варианты ответов «национальная литература, творчество, музыка», «общность характера, схожесть поведения», «историческая территория моего народа» имеют относительно слабые позиции в сравнении с другими индикаторами – 17,3 %, 15,1 %, 14,1 %, соответственно, что, однако, ни в коей мере не снижает их востребованность в массовом сознании опрошенных.

Таким образом, важнейшими этнообъединяющими признаками для дагестанской молодежи выступают национальный язык, элементы этнокультуры и вероисповедание, хотя иные маркеры также имеют определенный вес в воспроизводстве этнической идентичности; значимость каждого интегратора зависит от возраста и уровня образования респондентов: так, маркер религия обозначен более молодыми возрастными подгруппами и имеющими низкий образовательный уровень.

Противоположная картина наблюдается в отношении других параметров, например, при оценке исторического наследия активную позицию демонстрируют представители старшего поколения и имеющие высокий образовательный статус. Иными словами, можно утверждать, что приоритетность каждого из признаков зависит от уровня образования и возраста опрошенной дагестанской молодежи. В этой связи можно согласиться с утверждением В. Д. Попкова, что «постперестроечное поколение молодых людей постепенно оказалось оторванным от культурных основ, определявших поведенческие образцы и ценностную систему предыдущего поколения.

Это привело к тому, что трактовка культурных символов, "героев", равно как и исторических событий и персонажей, для нового поколения и поколения "отцов" могут не только существенно различаться, но и вообще иметь разную природу, что особенно заметно на примере актуальных образовательных моделей, транслирующих идеологию внутреннего системного противоречия. В итоге старшему поколению приходится иметь дело с целым рядом несовпадающих культурных "героев" и символов, формирующих различное восприятие ряда событий российской истории и предписывающих реципиентам взаимоисключающий образ мыслей и образцы поведения. Это постепенно приводит к кризису формирования культурных основ идентичности молодого поколения россиян» [11, с. 138].

Установление маркеров самоидентификации закономерно ставит вопрос не только о значимости вышеперечисленных признаков, но и степени осознания человеком собственной этнической принадлежности, что актуализирует выявление смысла суждения «быть представителем своего народа – это…».

Полученный на вопрос «Что для Вас значит быть представителем своего народа?» материал показывает, что самоидентификация опрошенных с представителями своей этнической группы подразумевает знание и следование этнокультуре (40,0 %), в национальном разрезе суждение разделяют 47,0 % аварцев, 40,6 % лакцев и 45,5 % чеченцев, одна треть из подмассивов кумыков, даргинцев и лезгин. С заметным разрывом второе ранговое место занимает необходимость владения национальным языком (25,2 %) и по этнической принадлежности его важность подчеркнута 31,2 % чеченцев, 27,1 % даргинцев, 28,0 % лезгин и 25,4 % кумыков; из общего массива выделяются представители лакского (9,4 %) и русского (9,1 %) народов не рассматривающих национальный язык как индикатор осознания этнического единства. Установки русских респондентов, вернее, незначимость владения родным языком, как параметра определения национальной принадлежности, имеет под собой основания: а) внутри российского социума угрозы для сохранения русского языка не существует, потому что в национальных административных образованиях он (русский язык) выполняет множество функций, ключевым является статус –язык межнациональной коммуникации; б) каждый дагестанский народ имеет свой национальный (родной) язык, следовательно, умение на нем говорить может выступить критерием единства с представителями своей этнической общности.

Кроме того, можно отметить последовательность опрошенной дагестанской русской молодежи: по результатам ответов на вопрос «Какие признаки объединяют Вас с представителями Вашего народа?» было выявлено, что для опрошенных русских родной язык (здесь русский язык) не имеет большого значения в идентификационном процессе, а данные на вопрос «Что для Вас значит быть представителем своего народа?» подтверждают низкий статус родного (русского) языка для них (опрошенная русская молодежь Дагестана). При этом можно констатировать противоречивость в установках лакцев: одна вторая часть опрошенных из лакской подгруппы на второе место по значимости определила национальный язык как интегратор, при этом осознание своей национальной принадлежности они не связывают с этническим языком.

По сравнению с другими возрастными подгруппами, важность владения национальным языком подчеркнута возрастной когортой 21–25 лет (37,2 %), по уровню образования существенных отличий не выявлено. Далее, для 45,5 % русских, 33,3 % лезгин, 25,7 % даргинцев, 25,0 % лакцев и 23,7 % кумыков суть «быть представителем своего народа» заключается в единстве со своим народом и его национальной культурой. По социально-демографическим признакам данную позицию, в сравнении, разделяют подгруппы от 26 лет и выше (одна треть) и респонденты с высшим образованием (35,6 %). Далее, 12,8 % опрошенного молодого поколения дагестанцев обозначает важность защиты этнических интересов своего народа и здесь можно выделить чеченский (21,2 %) и русский (18,2 %) подмассивы, а также возрастной разрез 26–30 лет (16,3 %), для которых актуально отстаивание национальных прав и потребностей своего национального образования.

Заключение. Таким образом, анализ эмпирического материала показывает, что для опрошенной дагестанской молодежи ключевыми идентификаторами воспроизводства этнической идентичности являются 3 маркера – национальный язык, национальные традиции и обычаи, религия, хотя и остальные признаки не менее востребованы в их общественном сознании, однако сравнительный анализ констатирует разный уровень приоритетности каждого из параметров.

Контрольный вопрос показывает, что при обозначении важности родного языка в процессе самоидентификации личности, его позиции несколько снижаются и доминантной, причем с большим перевесом, становится этнокультура и ее элементы. Кроме того, четко вырисовывается отличие в установках русского населения, с одной стороны, и дагестанских народов, с другой. Чем обусловлена такая позиция? По мнению автора, видимо, тем что для русского народа родным является русский язык, который еще и выполняет функцию языка межнационального общения, в отличие от русских, дагестанские народы изначально билингвальны, то есть владеют языком своей этнической общности, наряду с ним и русским языком, что позволяет им, во-первых, разграничить оба языка, во-вторых, обозначить значение и роль каждого из них в своей жизни.

Список источников

1. Александренков Э. «Этническое самосознание» или «этническая идентичность» // Этнографическое обозрение. 1996. № 3. С. 135–147.

2. Дробижева Л. М. Российская идентичность: факторы интеграции и проблемы развития // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 1. С. 78–84.

3. Майборода Э. Т. Этническая идентичность в концепции коллективных прав человека // Вектор идентичности на постсоветском пространстве. Ростов н/Д, 2007. С. 147–162.

4. Рыжова С. В. Этническая идентичность в контексте толерантности. М.: Альфа-М, 2011. 280 с.

5. Тишков В. А., Кисриев Э. Ф. Множественные идентичности между теорией и политикой (пример Дагестана) // Этнографическое обозрение. 2007. № 5. С. 96–115.

6. Межнациональное согласие как ресурс консолидации российского общества: [монография] / Отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН, 2016. 400 с.

7. Межнациональное согласие в общероссийском и региональном измерении. Социокультурный и религиозный контексты: [монография] / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: ФНИСЦ РАН, 2018. 552 с.

8. Попков В. Д. Идентификационные ориентиры жителей центральных регионов России: случай Калужской области // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 18. № 3. С. 137–151.

9. Дробижева Л. М., Аклаев А. Р., Коротеева В. В., Солдатова Г. У. Демократия и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М.: Мысль, 1996. 382 с.

10. Коновалова А. В. Формы проявления этнической идентичности в полиэтничном социуме / Вектор идентичности на постсоветском пространстве. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2007. С. 119–131.

11. Попков В. Д. Идентификационные ориентиры жителей центральных регионов России: случай Калужской области // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 18. № 3. С. 137–151.

References

1. Alexandrenkov E. "Ethnic self-consciousness" or "ethnic identity". *Etnograficheskoe obozrenie = Ethnographic review*. 1996;(3):135–147. (In Russ.)

2. Drobizheva L. M. Russian identity: Integration factors and development problems. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika = Sociological science and social practice*. 2013;(1):78–84. (In Russ.)

3. Mayboroda E. T. Ethnic identity in the concept of collective human rights. In: *Vector of identity in the post-Soviet space.* Rostov-on-Don; 2007:147–162. (In Russ.)

4. Ryzhova S. V. *Ethnic identity in the context of tolerance.* Moscow: Alfa-M; 2011. 280 p. (In Russ.)

5. Tishkov V. A., Kisriev E. F. Multiple identities between theory and politics (the example of Dagestan). *Etnograficheskoe obozrenie = Ethnographic review.* 2007;(5):96-115. (In Russ.)

6. *Interethnic harmony as a resource for the consolidation of Russian society.* L. M. Drobizheva (ed.). Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2016. 400 p. (In Russ.)

7. *Interethnic harmony in the all-Russian and regional dimension. Sociocultural and religious contexts.* L. M. Drobizheva (ed.). Moscow: FNISTC RAS; 2018. 552 p.

8. Popkov V. D. Identification landmarks of residents of the central regions of Russia: the case of the Kaluga region. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii = Journal of Sociology and Social Anthropology.* 2013;18(3):137–151. (In Russ.)

9. Drobizheva L. M., Aklaev A. R., Koroteeva V. V., Soldatova G. U. *Democracy and images of nationalism in the Russian Federation of the 90s.* Moscow: Mysl, 1996. 382 p. (In Russ.)

10. Konovalova A. V. Forms of manifestation of ethnic identity in a multiethnic society. In: *Vector of identity in the post-Soviet space.* Rostov-on-Don: Publishing House of the UNC RAS; 2007:119–131. (In Russ.)

11. Popkov V. D. Identification landmarks of residents of the central regions of Russia: the case of the Kaluga region. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii = Journal of Sociology and Social Anthropology.* 2013.;18(3):137–151. (In Russ.)

Информация об авторе

М. М. Шахбанова – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, Отделение кафедры ЮНЕСКО по компаративным исследованиям духовных традиций, специфики их культур и межрелигиозного диалога по Северному Кавказу.

Information about the author

M. M. Shakhbanova – Doctor of Sociology, Leading Researcher, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Division of the UNESCO Chair for Comparative Studies of Spiritual Traditions, the Specificity of Their Cultures and Interreligious Dialogue in the North Caucasus.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 10.04.2023; одобрена после рецензирования 24.04.2023; принята к публикации 25.04.2023.
The article was submitted 10.04.2023; approved after reviewing 24.04.2023; accepted for publication 25.04.2023.